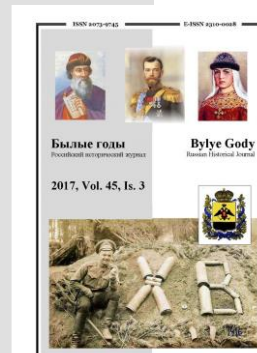

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 915-927, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.915
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+481)(045)

Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900

Konstantin S. Zaikov^{a, *}, Aleksandr M. Tamitskiy^a

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article addresses the little known chapters in the history of the Northern Frontier, namely the Russian-Norwegian borderland, touching upon the role of the Lapp crafts in the history of Russian-Norwegian relations in the period between 1855 and 1900, therewith considering the influence of the «flexible» Russian-Norwegian border's symbolic space on the evolvement and development of such relations. The authors demonstrate how minor fishing and herding exercised by a few dozen Russian Sami people in Norway shaped the image of the «Russian threat». Beginning from the 1850s, this circumstance paired with the issue of Finnish migrants urged regional authorities towards implementation of measures aimed at the frontier consolidation with Finnmark, also known as the Norwegization politics followed by promotion through the diplomatic channels of the idea to eliminate the Sami servitudes.

Russian general public as well as regional and imperial officials responded to the Norwegian policy by means of nation-wide symbolic and political justification of the «flexible borders» that existed in the first half of the 19th century, specifically via recognition of the old borderline passing Veres Navolok as the true border; disapproval of the 1825-1826 demarcation; and pleading to readdress the 1828 matter on reconsidering the borderline in order to protect the livelihood rights of the Russian Lapps in Sweden and Norway.

Thus, Swedish-Norwegian border policy focused on driving the Pasvick River Sami away from their traditional lands, along with a dynamic Norwegian colonization of the Western Murman contributed to the image of the "Russian threat" and gradual securitization of the Lapp Crafts in Russia at the turn of the 20th century.

Keywords: Finnmark, Western Murman, Russian-Norwegian borderland, Sami, Lapp crafts.

1. Введение

Российско-норвежская граница появилась на политико-географическом пространстве крайнего севера Европы лишь в 1826 году после более чем пятивекового межгосударственного спора за право исключительного владения территориями Северного Фронтiera (Goldin et al., 2015: 522-523)¹.

Рубежи, разделившие последний фронтир Фенноскандинавии, были установлены благодаря обоюдным устремлениям центральных властей Объединенного королевства Швеции и Норвегии и Российской империи положить конец промысловым конфликтам между своими подданными,

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K. S. Zaikov), a.tamitskiy@gmail.com (A. M. Tamitskiy)

¹ Современная территория норвежско-финского, российско-финского и российско-норвежского пограничья, на котором в XVIII – начале XX вв. располагались земли (сиййт / погостов) коренного населения саами, в том числе земли восточной группы саами (скольтов) вдоль р. Нявдема (по-норвежски – Нейден), р. Паз/Паесь (по-норвежски – Пасви) и р. Печенга (по-норвежски – Пейсен) входивших в состав Кольского уезда Архангельской губернии. По российским источникам данные территории именовались «дводеданные погосты», в норвежских источниках известны как «общие округа» (Goldin, 2015: 522-523; Goldin, 2015a: 851).

проживавшими в пределах спорного пространства, в угоду сохранения сложившегося между странами стратегического баланса и союза в конце эпохи Наполеоновских войн (Zaikov, 2016a: 1169).

Несмотря на формально прозаичный повод для установления политической границы, пограничная Конвенция 1826 года существенно изменила геополитическую картину региона и роль пограничья в российско-норвежских отношениях. С приобретением новых территорий Швеция-Норвегия стали еще более настороженно относиться к русскому соседству. Парадоксально, что неожиданно выгодный для Норвегии в составе Швеции результат разграничения сформировал условия для культивации идей о «русской угрозе», популярных в Швеции – Норвегии со второй трети XIX в. (Zaikov, 2010: 34-38). Значение бывших «общих округов» в выстраивании внешнеполитической деятельности и внутренней политики Королевства только усилилось.

В России договор на долгие годы расколол позиции региональной общественности и центральной власти. Первые стали еще более пристально следить за хозяйственной деятельностью норвежцев. В их понимании граница 1826 г. стала результатом тайной конспирации Норвегии, имевшей виды на русские земли, утраченные из-за попустительства отдельных чиновников (Zaikov, 2016a: 1164-1165; Зайков, 2012: 116-117). Договор 1826 г. стал поводом для появления и распространения на Русском Севере идеи о «норвежской угрозе».

Очевидно, что политико-географические, или «жесткие границы» 1826 года не соответствовали контурам символических, т.е. «гибких границ» России и Швеции-Норвегии. Ключевым спорным моментом Конвенции 1826 года был вопрос о промысловых правах русских приграничных лопарей – саами (скольты) на территории Швеции-Норвегии. Дело в том, что часть территорий их погостов, где располагались районы традиционного промысла (рыбной ловли, пастьбы овец и оленей) по итогам разграничения были уступлены Швеции-Норвегии. Согласно дополнительному протоколу 1834 года скольты сохранили только право семузьего промысла в бывших своих промысловых угодьях – семужьих тонях, отошедших к Швеции-Норвегии. Этот сервитут, который приобрела Швеция-Норвегия вместе с пограничным договором 1826 года, тяготил норвежскую сторону и в дальнейшем стал предпосылкой возникновения проблемы так называемых «лопарских промыслов» в истории российско-норвежско/шведских отношений второй половины XIX – начала XX вв. (Карелин, Зайков, 2016).

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), Государственном архиве г. Тромсе (Норвегия), Архиве Института Гувера (США), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

Изучение архитектуры «мягких границ» Швеции-Норвегии и России на крайнем севере включало исследование и контекстуальный анализ комплекса локальных и региональных источников о хозяйственных спорах в пограничье между российскими и шведско-норвежскими подданными, рапортов и отчетов о трансграничных отношениях окружных/губернских чиновников Финнмарской и Архангельской губерний, а также периодической печати и отдельных работ современников описываемого периода, которые в комплексе позволяют идентифицировать символическое пространство российско-норвежского пограничья и определить влияние символического поля на выстраивание политики властей в отношении трансграничных промыслов русских лопарей.

В изучение развития вопроса «лопарских промыслов» в процессе выстраивания внутренней и внешней приграничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии входил анализ и сопоставление документов переписки центральных властей Швеции/Норвегии с губернаторским корпусом Финнмарской губернии и центральных властей Российской империи с чиновниками Архангельской губернии.

3. Обсуждение

В западноевропейской историографии вопрос «лопарских промыслов» и его значение в истории выстраивания норвежской пограничной политики на крайнем севере частично изучен норвежскими историками Э. Эриксоном, Э. Ниemi и А. Андресен в контексте изучения истории финской колонизации норвежской провинции Финнмарк XIX в. Исследователи отмечают, что концепция «русской угрозы», оформившаяся в Швеции-Норвегии к 1840-м гг., в комплексе с идеологией строительства национального государства подтолкнули к чрезмерной политизации лопарских промыслов, которые стали ассоциироваться с частью русских экспансионистских планов (Eriksen, Niemi, 1983; Andresen, 1989). Дальнейшие попытки властей ограничить поморские и лопарские промыслы в начале XX в. исследователи считали норвежской реакцией на ревизионистские настроения русской общественности, желавшей пересмотреть Конвенцию 1826 г. (Eriksen, Niemi, 1983: 104-105). Выстраивая свою концепцию, норвежские исследователи

фондировали гипотезы документами о спорах с финскими лопарями, в то время как политизация промыслов русских лопарей к середине XIX в. аргументирована недостаточно. Важно отметить, что Э. Ниemi и А. Андресеном впервые был показан искусственный характер «лопарской проблемы», как порождение политики безопасности в контексте идеологии национализма и доктрины «русской угрозы». В отечественной историографии проблема «лопарских промыслов» частично представлена в работах Р.А. Давыдова, акцентировавшего внимание на описание экономических факторов постановки проблемы защиты промысловых прав русских лопарей второй половины XIX – начала XX вв., в то же время идеологическая составляющая данной проблемы автором упущена (Давыдов, 2007).

Проблема «лопарских промыслов» безусловно была одним из краеугольных вопросов повестки российско-норвежских отношений второй половины XIX вв., однако в историографии, как свидетельствуют обзор научных трудов, влияние символического пространства российско-норвежского пограничья на развитие проблемы «лопарских промыслов» в истории российско-норвежских отношений до сих пор не изучено. В то же время, мы полагаем, что проблема «лопарских промыслов», ставшая под влиянием развития идеологии национализма составной частью символических контуров «гибких границ» России и Швеции-Норвегии на крайнем севере Европы во многом стала причиной реанимации вопроса о ределимитации российско-норвежской границы в районе Южного Варангера в конце XIX – начале XX вв. В связи с этим, авторы данной статьи ставят целью проанализировать природу «гибких границ» России и Швеции-Норвегии на пространстве бывшего Северного Фронттира и определить их влияние на постановку и развитие вопроса о «лопарских промыслах» в контексте российско-норвежских отношений 1855–1900 гг.

4. Результаты

Образ угрозы промыслов русских саами безопасности норвежскому Финнмарку стал распространяться среди норвежских пограничных чиновников еще в 1840–1850-х гг., и на начальном этапе имел преимущественно бытовую природу. Истоки проблемы крылись в условиях дополнительного протокола 1834 года, которые разрешали и русским саами продолжать промысел в своих промысловых угодьях, и норвежским подданным, активно заселявшим российско-норвежское пограничье с 1830-х гг., использовать семужьи тони на отошедшей к Норвегии территории. Отсутствие должной юридической защиты прав русских лопарей вел к росту конкуренции между подданными обеих держав за тони и бытовым конфликтам, в которые активно вовлекалась в первую очередь норвежская приграничная администрация (Andresen, 1989: 69-87).

Финнмаркские чиновники, вставая на сторону своих соотечественников, корень проблемы видели в самом праве семужьего промысла русских лопарей, но несмотря на бытовую природу угрозы в 1850-е гг., под влиянием динамики решения вопроса о промыслах финских саами на норвежском побережье он стал приобретать политические черты, или восприятие промыслов как инструмента экспансивной внешней политики Российской империи в отношении Швеции – Норвегии (Andresen, 1989: 86-87). Летняя рыбалка скольтов на норвежском побережье шаг за шагом становилась символом российского присутствия в Финнмарке. Таким образом, в Норвегии шел процесс изменения архитектуры «гибких границ», которые воспринимались угрозой «жестким границам», сопровождаемый вовлечением лопарских промыслов в сферу угроз безопасности Королевства, требовавшей выработку специального комплекса мер.

В отличие от финско-норвежского участка границы, где секьюритизация промыслов привела к закрытию границы для трансграничных потоков в 1852 г., ознаменовавшего переход к закрытому пограничному режиму между Швецией – Норвегией и Великим княжеством Финляндским, на русско-норвежском участке границы происходило формирование политики «вынужденной толерантности» норвежских властей к русским саами и сохранения смешанного пограничного режима (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 638-639; Andresen, 1989: 70-75). Норвежские инспекторы и губернаторы, опасаясь влияния бытовых конфликтов на межгосударственные отношения, которые в это время уже были напряжены в силу противоречий в вопросе о промыслах финских саами, предпочитали решать трансграничные конфликты через вовлечение в них русских губернских властей или игнорировать жалобы на русских лопарей (Andresen, 1989: 70-75, 83-84).

В 1850-е г. в Норвегии сложилось впечатление, что одних российских гарантий неприкосновенности границ недостаточно. Недоверие к мотивам внешнеполитического курса России и желание получить дополнительные гарантии незыблемости границы 1826 г. подтолкнули Швецию – Норвегию к новому политическому соглашению с главными соперниками России того периода – Англией и Францией.

В канун завершения Крымской войны стало ясно, что Россия теряет статус европейского гегемона, и в ноябре 1855 г. между тремя игроками был подписан так называемый «ноябрьский трактат». Швеция – Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, но взамен Великобритании и Франция гарантировали неприкосновенность границ Королевства. На всем протяжении российско-норвежских рубежей от о. Кольто Яуре до устья р. Вормы граница получила политико-идеологические очертания, чем завершилась контекстуализация российско-норвежской границы в геополитическое противостояние Западной Европы и России, начавшееся еще в эпоху

наполеоновских войн. Это предопределило постепенную политизацию проблемы «лопарских промыслов», т.е. морских и наземных промыслов пазрецких саами на территории Норвегии. Неслучайно, что в это же время на границе в Норвегии появилась собственная администрация для надзора над промыслами (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 638-639).

В период с 1858 по 1861 гг. на территории Норвегии произошел ряд инцидентов с пастьбой овец и морским промыслом пазрецких саами в ходе разбирательств, по которым проблема промысла саами была снова подвергнута чрезмерной политизации внутри Норвегии. Дискуссии по этому вопросу среди норвежской пограничной администрации с чиновниками в Христиании и Стокгольме положили начало возникновению проблемы лопарских промыслов, т.е. промысловых прав русских саами пазрецкого погоста в Норвегии, ставшей главной проблемой российско-норвежских пограничных отношений второй половины XIX – начала XX вв.

Связано это было с тем, что семужий промысел русских, пазрецких саами традиционно сочетался с морской рыбалкой и пастьбой овец (Andresen, 1989: 72-73). В конце мая лопарские семьи в полном составе отлучались на семужьи тони вместе с овцами, которые паслись на прилегающей к тоням земле. В то время, как женщины и дети оставались на семужьем лове, взрослые мужчины отправлялись на морские промыслы (Бухаров, 1885: 12-13). Перечисленные занятия были упущены русскими комиссарами в переговорах с норвежскими чиновниками в 1834 году, когда решался вопрос об изменении условий и пролонгации действия VII статьи пограничной Конвенции 1826 года. Однако значение морских промыслов значительно возросло к концу XIX в. Цена на семгу стабильно росла, лосось был основным экспортным товаром сийта. Эту рыбу саами вылавливали в дельте р. Паз близь островов Шалим, Толмуи и Солдатский (Бухаров, 1885: 23; ГААО, Ф. 1. Оп. 8. т. 1. Д. 2234. Л. 34, 35; РГИА, Ф. 128. Оп. 187. Д. 267). На свой страх и риск они нарушали протокол и активно занимались морским промыслом.

Ленсман южного Варангера Магнус Клерк не обращал внимание на эти занятия, т.к. значительных убытков для норвежских подданных они не приносили (Бухаров, 1885: 26). Однако назначенный в 1858 г. губернатором Финмарка М.Б.К. Нанестадт полагал другое, и разделял мнение финмаркского купечества, что постоянное и активное использование норвежской территории русскими лопарями и поморами может стать предлогом для аннексии территории Россией¹. Губернатор предлагал правительству строго следовать букве закона и воспретить все промыслы, не разрешенные пограничной Конвенцией и протоколом. Такое же мнение выразил и фогд Х. Кьерсков (Andresen, 1989: 73-74, 83)². Норвежская исследовательница А. Андресен указывает, что правительство разделяло опасения губернатора и фогда, но вместо запретительных мер оно решило перейти к защите промыслов. Резолюцией от 11 декабря 1861 г. правительство разрешило пазрецким саами пастьбу овец и морскую рыбалку (Andresen, 1989: 83).

С юридической стороны исполнительные власти Норвегии могли справедливо запретить лопарям заниматься перечисленными занятиями, но опасения русской угрозы были так велики, что вопреки своим интересам они пошли на еще большую либерализацию пограничного режима. Мотивом стало суждение, высказанное еще предыдущим губернатором Финмарка А.Т. Харрисом в 1840-е гг., что судебные разбирательства по промысловым конфликтам могут отразиться на межгосударственных отношениях (Andresen, 1989: 70, 83).

Незначительные в масштабах региона и страны промыслы пазрецких лопарей стали важным фактором выстраивания шведско-норвежской политики безопасности во второй половине XIX в. Такие размышления были распространены не только среди элит, но и населения южного Варангера, которое все больше составляли выходцы из южной Норвегии. Они рассматривали русских лопарей сквозь призму национальной идеологии, чему способствовала и конкуренция в рыбных промыслах.

Русский консул в Финмарке В. Березников писал: «Если местное норвежское население не стесняет права лопарей, то пришлые норвежские рыбаки совершенно их отрицают, не допуская, чтобы свободные и культурные сыны Норвегии должны были на собственной территории делать какие-либо уступки русским подданным и в особенности лопарям» (HI, Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/14).

Как отмечено в работе Э. Ниemi, главным фактором переосмысления роли этнического элемента в конструировании политического пространства страны стало окончательное установление национализма основополагающей идеологией норвежской государственности (Niemi, 2005). Добавим, что включение этнического фактора в конструирование символического и политического пространств государственной территории привело к чрезмерной его идеологизации и, как следствие, секьюритизации (Niemi, 2009).

¹ Речь идет Каспаре Юрдане норвежском купце, от которого поступила жалоба в 1860 г. на морской промысел пасвиг саамов на острове Толмуи (Kjelmøya) и пастьбе оленей на острове Шалим (Skogerøy)» (Andresen, 1989: 73).

² Промысел мойвы активно велся поморами и норвежскими рыбопромышленниками у пограничной р. Воряма на норвежской стороне реки. До появления ленсмана в 1856 г. этот промысел сопровождался конфликтами между поморами и норвежцами за рыбные места, что неоднократно становилось предметом разбирательств между МИД Российской Империи и Швецией – Норвегией (РГИА, Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452. Л. 62; Сидоров, 1870: 80-81; Сидоров, 1879: 149-150).

Широкое преобладание ненорвежского населения в южном Варангере формировало среди норвежцев и финнмаркских чиновников представление о незащищенности приграничных территорий, их большей этнической включенности в Российскую империю. Складывалась парадоксальная ситуация: норвежское политическое пространство в этническом измерении воспринималось островками России на норвежской земле¹. Образы русского присутствия формировали новые «гибкие границы», которые устрашали правительство и заставляли их ускоряться в развитии пограничных территорий. Усилению алармистских настроений способствовало периодическое обсуждение на страницах российской прессы несправедливости границ 1826 г.²

С 1860-х гг. норвежские власти стали реализовывать комплекс мер, направленных на увеличение этнического присутствия Норвегии в пограничном пространстве. В историографии эти меры известны как «политика норвегизации» (Eriksen, Niemi, 1983: 26-92; Niemi, 2008: 155, 157-158). Помимо мероприятий, направленных на этническое поглощение территории, данная политика включала комплекс мер, направленных на культурное поглощение территории. Примером этого стало строительство норвежских церквей на границе с Россией (Niemi, 2008: 153-155). Впервые подобную идею изложил в 1861 г. капитан-лейтенант Северин Андреас Хейердал, который побывал на границе с инспекционной поездкой. Офицер обратил внимание на религиозность русских лопарей и поморов, высоко уважающих объекты культа. Офицер предложил правительству возвести в устье р. Воряма культурный барьер России, т.е. норвежскую церковь (Eriksen, Niemi, 1983: 69). Идея получила поддержку в финансовом департаменте, и в 1869 г. в устье реки гордо возвышалась церковь, которая в 1874 г. получила имя Оскара II (Eriksen, Niemi, 2008: 153). Убеждения финнмаркских чиновников в политическом значении культурных барьеров укрепилось еще больше после обновления русскими православной часовни в Нейдене и начала восстановления Печенгского монастыря в 1886 г. (ST, T. FA. Boks 27). Ответной мерой стало строительство норвежской церкви в Нейдене, воздвигнутой в 1902 г. (Eriksen, Niemi, 1983: 66-67).

Свидетельствовала ли политизация лопарских промыслов о желании Норвегии вытеснить чужаков со своей территории и тем самым выправить «гибкие границы»? А. Андресен полагает, что норвежские власти до 1890-х гг. хоть и опасались эскалации промысловых споров, но все же придерживались политики невмешательства (Andresen, 1989: 86-87). Обнаруженные нами документы о дипломатических сношениях Норвегии и России конца 1870-х гг. свидетельствуют об обратном (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а; ГААО, Ф. 4. Оп. 10. Т. 1. Д. 147. Л. 1-20).

В документах идет речь о разбирательствах вокруг судебной юрисдикции стран в отношении дел о нарушении статьи VIII конвенции 1826 г. Причинами разбирательства стали два инцидента с участием пазрецких лопарей в 1872 и 1874 гг. Первое дело касалось самовольной пастьбы пазрецких оленей на норвежской территории. Их владельцы были уличены норвежскими властями и без уведомления русской стороны подвергнуты административному наказанию – штрафу. Второе дело связано с убийством пазрецкими саами двух оленей, за что они в одностороннем порядке были приговорены к тридцатидневному аресту в Вадсе (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 6-60б.).

Кольские власти, возмущенные односторонним порядком рассмотрения дел и ссылаясь на VIII статью конвенции 1826 года, обратились в Архангельск. Последующее отношение архангельского губернатора в Санкт-Петербург привело к дипломатическим переговорам по этим инцидентам, в ходе которых обнаружились существенные противоречия обеих сторон в интерпретации статей Конвенции 1826 г. и протокола 1834 г. (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 1-2, 60б.-7).

Статья VIII конвенции 1826 г., запрещающая пастьбу скота на территории соседнего государства, приписывала: *«Всякое нарушение сего запрещения доводится будет до сведения того начальства, которому подчинен виновный и сей последний, по исследовании дела, подвергнуться денежной пене, соразмерной важности проступка...»* (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 4).

Логично, что норвежский ленсман вначале обязан был уведомить кольского исправника о преступлении и потом провести общее следствие по делу. Вместо этого вопросы были решены чиновником в одностороннем порядке, так как он настаивал на расширенной интерпретации статей IV и V дополнительного протокола 1834 г. Статья IV протокола давала норвежским властям полную судебную юрисдикцию над русскими лопарями, пребывающими на территории Королевства. *«Само собою разумеется, что русские лопари во время своего пребывания в Норвегии должны сообразовываться с действующим в этой стране законами и полицейскими постановлениями по этим же законам и постановлениям будут там разбираться и споры могущие возникнуть в это самое время между ними и норвежскими лопарями»* (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 4-40б.). Этим же аргументом защищал норвежского ленсмана королевский посланник Бьорнштерна (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 8-10).

¹ Восприятие лопарских тонь русским анклавом в Норвегии ярко продемонстрировали норвежские члены международной комиссии 1898–1899 гг. (Andresen, 1989: 103-104)

² К примеру, публикации: (Беломорский, 1862; Беседы о Севере России..., 1867; Голубцов, 1910; Каарань, 1910; Меньшиков, 1911; Козьмин, 1913; О докладе А.С. Раевского, 1914; Козлянинов, 1913; Козьмин, 1914; Никольский, 1914; Г.Л., 1916).

Во втором департаменте МИД России обнаружили, что Норвегия довольно широко интерпретирует статьи протокола. Согласно преамбуле протокола его статьи заменяли лишь действие VII статьи конвенции. Они касались вопросов о рыбных промыслах, но не дел об оленьей пастьбе. Таким образом, в случае нарушения правил пастьбы, следствие нужно было проводить согласно пунктам VIII статьи Конвенции совместно с русским чиновником, а не статьей IV протокола, т.е. односторонним порядком (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 8).

Сообщив это норвежскому посланнику, российский МИД получил неожиданный ответ. Последующая нота Бьорнштерны говорит нам, что королевский МИД просто использовал это противоречие для выдвижения новых предложений о сокращении промысловых прав русских лопарей. В ультимативной форме говорилось, что если Россия будет настаивать на оставлении в силе статьи VIII Конвенции, тогда придется отменить условия протокола, а изменение промысловых условий «*было бы крайне невыгодно для пазрецких лопарей*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 9). В итоге отмечалось, что соблюдение статьи VIII практически невозможно, потому что на приграничной территории нет ни одного постоянно действующего русского чиновника (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 9-9об.).

Губернатор Н.П. Игнатъев, который давал пояснение к замечанию Швеции – Норвегии, признал этот недостаток (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 17-18). В Санкт-Петербурге решили, что нет смысла настаивать на применительности статьи VIII, так как отсутствуют реальные возможности организовать совместное следствие пограничных чиновников (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 13-15).

Значит ли это, что МИД России решил поступиться интересами лопарей? Мы полагаем, что нет, поскольку важным последствием разбирательства о действии статьи VIII Конвенции стало осознание российским МИД невыгодности статей протокола и самой Конвенции для русских лопарей.

В доверительной записке главы второго департамента графа Ф.Р. Остен-Сакена к Н.П. Игнатъеву эта мысль озвучивается. Более того, граф ставил губернатору вопрос: «*Представляется ли необходимым в каком либо изменении нынешних порядков и соглашений на русско-норвежской границе в Лапландии?*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 10 об.) – замечая при этом, что «*прежде чем приступать к каким либо изменениям прежних международных соглашений ... необходимо было бы усилить административный надзор и власть за территорией и населением нам принадлежащим*» (ГААО, Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 15-16 об.).

Сопоставляя эту записку с последующими действиями МИД России в 1880–1890-е гг., мы можем констатировать, что на рубеже 1860–1870-х гг. в российском МИД происходит переосмысление проблемы лопарских промыслов, а также переоценка пограничной Конвенции (HI, *Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/11*). Осознав несправедливость пограничной линии, второй департамент министерства стал вынашивать планы по расширению промысловых прав русских лопарей. Практически это стало осуществимо лишь в конце века, когда на пограничной территории появились постоянные представители русской власти, российские консулы, которые ежегодно сталкивались с промысловыми спорами русских лопарей с норвежскими колонистами и рыбопромышленниками.

Возвращаясь к ноте Бьорнштерны, отметим, что расширенная интерпретация протокола была выгодна Норвегии. Молчаливое согласие российского МИД позволяло использовать норвежские законы для регулирования промыслов. Большинство правил было принято в защиту норвежских колонистов и направлено против кочевой культуры саами, ассоциируемой с русской угрозой (Andresen, 1989: 85-86). К примеру, в 1885 г. в Швеции-Норвегии был принят закон о «семужьем промысле», устанавливающий так называемые «Пощадные дни», запрещающие промысел с вечера четверга по вечер понедельника. «Пощадные дни» фактически сводили к нулю выгоду лопарей от семужьих промыслов. Русский консул С.С. Островский, усмотревший в этом нарушение статей дополнительного протокола 1834 г., обратился с представлениями к местной финнмаркской администрации. Речь шла о положениях протокола, в которых лопарям разрешалось заниматься семужьим промыслом «*в те же сроки и в тех же местах, как и прежде*» (HI, *Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/14*). Стокгольм поддержал российскую сторону в этом споре, королевской резолюцией 1887 г. этот закон на пазрецких саами не распространялся (HI, *Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/14*), но это не уменьшало притеснения лопарей.

В России игнорирование центральной российской властью требований архангельской общественности и чиновничества пересмотреть Конвенцию 1826, которые появились уже через год после ее подписания в 1828 году, нашло выход в широком публичном обсуждении этой темы в период с 1860 по 1916 гг. в ходе которых проблема лопарских промыслов стала занимать одно из центральных мест.

Конвенция 1826 г. для большинства жителей Архангельской губернии была показателем небрежности власти к богатствам и населению Русского Севера, которыми успешно пользовались их соседи (Беседы о Севере России..., 1867: 223; Сидоров, 1870: 87). Ревизионистские чувства были так сильны, что уже в 60-е гг. XIX в. они нашли выражение на страницах центральных изданий и публичных дебатах на заседании Императорского Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге. Один из выступающих членов общества В.Л. Долинский, подчеркивая несправедливость «новых рубежей», призывал к исправлению границы (Беседы о Севере России..., 1867: 224).

В 1862 г. на страницах Морского сборника появилась публикация О. Беломорского «Исторический взгляд на Варангерское Поморье». Автор попытался историческими аргументами обличить несправедливость границы 1826 г. Под псевдонимом Беломорского скрывался известный исследователь Иосиф Августович Богуслав. Его статья была выражением сожаления поморского купечества о потере выгодных промысловых гаваней отошедших к Норвегии. Их значение Богуслав знал не понаслышке: в 1842 г. от лица Архангельского, Вологодского и Вятского купечества он просил Архангельского губернатора Маркиза де-Траверсе разрешения учредить Полярную Компанию в Печенгской губе близ границы России с Норвегией. Губернатор, полагавший что «там могут жить только два петуха да три курицы» отказал просителю (Беломорский, 1862: 279–294; Беседы о Севере..., 1867: 41; Сидоров, 1870: 71–72).

С уходом николаевской эпохи в России значение границы в жизни Русского Севера значительно возросло. Новая граница все более стала играть мощную консолидирующую роль. Связано это с тем, что территориальная асимметрия в экономическом развитии норвежского и русского пограничья обращала на себя внимание, поскольку уже в середине XIX в. южный Варангер, стремительно развивающийся с 30-х гг. XIX в., контрастировал с русским Мурманом, пребывающем в застое (Зебек, 1867: 81–90; Сидоров, 1870: 87; Нильсен, 2001: 33–45; Федоров, 2009: 122–123). Выражаясь словами архангельского журналиста 1847 г., он был «дик и безлюден» (Журавлев, 1847: 6).

В 1860-е гг. это стало вызывать озабоченность не только у поморов, промышленников, но и у представителей власти. Губернатор С.П. Гагарин писал: «... *Весь Мурманский берег можно считать как бы не принадлежащим никакому государству*» (ГААО, Ф.1. Оп.8. т.1. д.1674. Л. 5). В то же время было видно, как активная поселенческая политика в Норвегии вместе с развитием инфраструктуры стали приносить плоды. Архангельское чиновничество смотрело с воодушевлением на идею колонизации Мурманского берега, в том числе приглашения норвежцев показать пример поморам (Попов, Давыдов, 1999: 29–31; Федоров, 2009: 123–125; Шрадер, 2006: 116). Однако в среде купцов и промышленников Севера эта идея вызывала большие опасения. Им казалось, что если не оградить Мурман от норвежских промышленников и колонистов, то этот берег будет навсегда потерян для России, как это произошло с частью земель двоеданных погостов.

Известный архангельский и красноярский исследователь, купец и золотопромышленник Михаил Константинович Сидоров на это обращал внимание в своих публикациях и публичных выступлениях (Сидоров, 1870: 177–178; Сидоров, 1879: 48–51, 68, 83–84), а также российский консул в Финнмарке Д. Бухаров в публичных лекциях в «Обществе содействия русской промышленности и торговли» и статьях на страницах газеты «Голос», и губернатор И.В. Сосновский в кратком описании своих поездок по Архангельской губернии (Бухаров, 1883; Краткое описание служебных..., 1908).

После всплеска интереса к теме разграничения в 1870-е гг. наступает временное затишье до 1890-х гг. На рубеже веков борьба вновь разгорелась на фоне острой промысловой конкуренции между норвежскими и русскими рыбопромышленниками и дипломатического спора между Норвегией и Россией о промыслах пазрецких лопарей 1896–1911 гг. (Чулков, 1901; Гебель, 1904; Гебель, 1905; Козьмин, 1913; Никольский, 1914). Многие из официальных лиц и журналистов, которые путешествовали вдоль границы обращали внимание на ее «искусственный характер» на участке от церкви Бориса и Глеба и далее на юго-восток до р. Ворьема (РГИА, Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452. Л. 17; Очерк Путешествия..., 1895; РГИА, Ф. 560. Оп. 28. Д. 520. Л. 1–13; Материалы для разработки вопросов..., 1881: 6; Сиденснер, 1897: 23–24; Краткое описание служебных..., 1908: 14–16). Странный выступ стал причиной потери семуужких тоней пазрецких саами, более того, не соответствовал основополагающему принципу естественных границ (Извлечение из рапорта... 1870: 7; Голубцов, 1910: 23). Такое противоречие заставило общественность обратиться к историческим изысканиям.

В начале XIX в. в России вышло в свет более семи исторических публикаций по теме истории российско-норвежской границы / пограничья (Гебель, 1904; Гебель, 1905; Чулков, 1901; Каарань, 1910; Голубцов, 1910; Козьмин, 1913; Никольский, 1914; Бородкин, 1915). В большинстве из них разграничение представлялось как неравноправная борьба русских лопарей с Норвегией, действующей заодно с продажными и беспечными русскими чиновниками (Гебель, 1904; Гебель, 1905; Чулков, 1901; Голубцов, 1910; Козьмин, 1913; Никольский, 1914; Бородкин, 1915). В работах формировался образ Норвегии как хитрого и расчетливого соперника и конкурента, который постепенно вытеснял русских с западного Мурмана. Наиболее резонансными публикациями в этом ключе были статьи 1913–1916 гг., посвященные проблеме промысловых прав русских лопарей в Норвегии (О докладе А.С. Раевского, 1914; Козлянинов, 1913; Козьмин, 1914; Никольский, 1914; Г.Л., 1916). Авторы публикаций, проводя параллели предложения Норвегии о выкупе лопарских промыслов с предысторией разграничения 1826 г., иллюстрировали прямую норвежскую угрозу русскому пограничью, а некоторые, например, автор статьи в Военном Сборнике Генерального Штаба под псевдонимом Г.Л. даже призывал к пересмотру Конвенции (Козлянинов, 1913; Никольский, 1914; Г.Л., 1916).

Образ старой границы по мысу Верес постоянно реконструировался на страницах региональной и центральной прессы. Печать сыграла ключевую роль в поддержании и распространении ревизионистских идей в России. О географическом размахе обсуждения проблемы несправедливой границы говорит тот факт, что публикации, посвященные разграничению, во второй половине XIX в.

появились уже в Санкт-Петербурге, а в начале XIX в. даже в Одессе (Сидоров, 1879: 84-93; Санкт-Петербургские Ведомости, 1883; Ермолаев, 2006: 48). Публичная сфера стала важным каналом символической объективации образа «гибких границ» первой половины XIX в.

Резкие заявления на страницах российской прессы не проходили незаметно для Швеции – Норвегии, о чем свидетельствовала реакция МИД Королевства. После выхода работы «Беседы о Севере России...» с докладом В.Л. Долинского в 1867 г. посланник Королевства барон Бьорнштерна выступил с опровержением позиции русского исследователя (А.П., 1877). В начале XX в. норвежское консульство в Архангельске и Санкт-Петербургская миссия также постоянно отслеживали публикации антинорвежского характера (RA, UD. Prebensen samling; RA, UD. Go5/10. Boks 5213). На страницах норвежских и шведских изданий появлялись ответные статьи разоблачительного характера, поддерживающие страх русской угрозы (Tidens Tegn, 1914; Stockholms Dagblad, 1914; Vardåposten, 1914; Verdens Gang, 1914; Aftenposten, 1914; Aftenposten, 1914a). Отметим, в Швеции – Норвегии не замечали, что заявления в публичной сфере не имели никакого отношения к официальной позиции российских властей. Однако добрососедские заверения российского МИД, опровергающие устремления России пересмотреть границу, королевские власти считали недостаточными (HI, Russian Missia, Norway. Missia Sweden. Lapps. Box127/11).

5. Заключение

Период с 1855 по 1900 гг. в истории российско-норвежского пограничья ознаменовался развитием проблемы лопарских промыслов («лопарских сервитутов»), которая во второй половине XIX – начале XX в. стала важным фактором российско-норвежских отношений и выстраивания внутренней пограничной региональной политики Норвегии и России.

Включение промыслов саами в систему угроз национальной безопасности и переход в пограничной политике к курсу, направленному на вытеснение скольтов с территории Норвегии, связано не только с асимметричным восприятием внешней политики России, но и с другими процессами:

- на периферии – с экономической консолидацией пограничья с Финнмарком и возросшей промышленной конкуренцией между норвежскими колонистами и пазрецкими саами, недовольством первых сервитутами и в то же время наличием административных ресурсов пограничной норвежской администрации, способной защитить интересы норвежских подданных;

- на общенациональном уровне – изменением восприятия «гибких границ», их архитектуры, которая перестала соответствовать «жестким границам» государства. Этот процесс был обусловлен влиянием государственной идеологии этнического национализма, развивавшегося в Норвегии во второй половине XIX в. Влияние идеологии нашло выражение в переоценке норвежской региональной и национальной властью своего этнокультурного пространства, его роли в процессе консолидации территории с центром и конструировании национальных границ.

Включение этнического фактора в конструирование политического пространства государственной территории привело к изменению представления о «гибких границах», которые стали тяготить Норвегию. На практике это выражалось в восприятии властями промыслов русских саами в комплексе с финскими мигрантами как признаков расширения этнокультурного пространства России в Норвегии, что формировало кажущуюся чиновникам угрозу потенциальной будущей потери данной территории для страны. В ответ власти считали, что норвежские колонисты и церковь должны стать факторами консолидации приграничного пространства и поддержания целостности политических рубежей Королевства, выправляя «гибкие границы» государства в соответствии с «жесткими» ее очертаниями. В практической плоскости это нашло выражение в поддержке активного церковного строительства в приграничье Норвегии. Новые культурные символы Норвегии делали «гибкие границы» более «жесткими».

Изменение отношения МИД России к лопарским промыслам во второй половине XIX в. связано с переоценкой Конвенции 1826 г. министерством, результатом чего стала переговорная стратегия, направленная на защиту лопарских сервитутов. В это же время в общенациональном масштабе происходила символическая и политическая объективация «гибких границ» Крайнего Севера европейской части России посредством широкого общественного обсуждения на страницах региональной и центральной прессы итогов разграничения 1826 г. На страницах изданий происходило осуждение «новой границы», формировался образ норвежской угрозы Русскому Северу, которая, как казалось общественности, выражалась в норвежских притеснениях пазрецких саами и в норвежской промышленной, а также поселенческой колонизации Западного Мурмана.

Острое восприятие Норвегии, как это видно из анализа переписки российских губернских властей с центральной властью, вызвано «территориальной асимметрией», которая к концу XIX стала остро ощущаться на Крайнем Севере европейской части России, особенно на контрасте Южного Варангера и Западного Мурмана. Обратным эффектом стал рост значения российско-норвежской границы в жизни Русского Севера во второй половине XIX в., где вопрос защиты промыслов русских лопарей стал символом борьбы за утраченные в 1826 году рубежи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10198 «Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции процесса пространственной социализации»).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- А.П., 1877** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // *Архангельские Губернские Ведомости*. 1877. № 96. С. 6-7.
- Беломорский, 1862** – *Беломорский О.* Исторический взгляд на Варангерское Поморье // *Морской сборник*. 1862. Т. LXII. № 10. С. 279-294.
- Беседы о Севере России..., 1867** – Беседы о Севере России в 3 отделении императорского вольного экономического общества. СПб., 1867.
- Бородкин, 1915** – *Бородкин М.* История Финляндии. Время Императора Николая I. СПб., 1915.
- Бухаров, 1883** – *Бухаров Д.Н.* Русские в Финмаркене. СПб., 1883.
- Бухаров, 1885** – *Бухаров Д.Н.* Поездка по Лапландии осенью 1883 г. СПб., 1885.
- Г.Л., 1916** – *Г.Л.* Мурманский ветер в открытом океане // *Военный Сборник*. 1916. Апрель. № 4. С. 30-56.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области
- Гебель, 1904** – *Гебель Г.Ф.* Наша северо-западная окраина – Лапландия // *Русское судоходство*. 1904. Октябрь. № 10 (270). С. 66-73.
- Гебель, 1905** – *Гебель Г.Ф.* Наша северо-западная окраина – Лапландия // *Русское судоходство*. 1905. Апрель. №4 (276). С. 73-92.
- Голубцов, 1910** – *Голубцов Н.* К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910.
- Давыдов, 2007** – *Давыдов Р.А.* Промыслы российских лопарей в контексте российско-норвежских отношений (XIX – начало XX в.) // *Баренц-журнал*. 2007. №1 (5). С. 42–53.
- Ермолаев, 2006** – *Ермолаев Д.А.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана во второй половине XIX – начале XX веков. Проблемы границы и колонизации // *Вестник «Баренц-Центра» МПГУ*. 2006. № 5. С. 45-59.
- Журавлев, 1847** – *Журавлев А.* О российской Лапландии называемой мурманским берегом и о производимом при оном рыбном промысле // *Архангельские губернские ведомости*. 1847. С. 6-8.
- Зайков, 2012** – *Зайков К.С.* Пограничная конвенция 1826 г. в отечественной историографии XIX–XXI вв. // *Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.)*. Под ред. А.А. Комарова. М., 2012. С. 112-131.
- Зебек, 1867** – *Зебек И.* О рыбном промысле и торговле на мурманском берегу // *Морской сборник*. 1867. Ноябрь № 11. С. 81-90.
- Извлечение из рапорта..., 1870** – Извлечение из рапорта генерал-адъютанта Посыета // *Морской сборник. Морская хроника*. 1870. № 10. С. 7.
- Каарань, 1910** – *Каарань А.* К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // *Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера*. 1910. № 11. С. 21-33.
- Карелин, Зайков, 2016** – *Карелин В.А., Зайков К.С.* Проблемы саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2016. №1. С. 32-41.
- Козлянинов, 1913** – *Козлянинов К.* О продаже русских вод Норвегии // *Новое Время*. 24.05/06.06.1913.
- Козьмин, 1913** – *Козьмин К.* К вопросу о русско-норвежской границе // *Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера*. Архангельск. 1913. № 17. С. 769-776.
- Козьмин, 1914** – *Козьмин К.* Письмо в редакцию // *Новое Время*. 30.05/12.06.1914.
- Краткое описание служебных..., 1908** – Краткое описание служебных поездок И.Д. Архангельского Губернатора И.В. Сосновского в 1908 году. Архангельск, 1908.
- Материалы для разработки вопросов..., 1881** – Материалы для разработки вопросов, касающихся Севера России. СПб., 1881. Вып. 1: Мурман и беломорские порты.
- Меньшиков, 1911** – *Меньшиков.* Пропавшая Граница // *Новое Время*. 17/30.03.1911.
- Никольский, 1914** – *Никольский В.Н.* На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914.
- Нильсен, 2001** – *Нильсен Й.П.* Мурман и Финмарк; одного ли поля ягоды? (Сравнительный метод в изучении политики царской администрации по освоению Мурманского побережья) // *Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сб. статей*. Архангельск, 2001. С. 33-45.
- О докладе А.С. Раевского, 1914** – О докладе А.С. Раевского. Заметка // *Речь*. 10/23.01.1914.
- Очерк Путешествия..., 1895** – Очерк Путешествия Архангельского Губернатора А.П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895.
- Попов, Давыдов, 1999** – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерк истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Санкт-Петербургские Ведомости, 1883** – Санкт-Петербургские Ведомости. 15.12.1883.

- Сиденснер, 1897** – *Сиденснер А.* Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером. СПб., 1897.
- Сидоров, 1870** – *Сидоров М.К.* Север России. СПб., 1870.
- Сидоров, 1879** – *Сидоров М.К.* О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии. СПб., 1879.
- Федоров, 2009** – *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009.
- Чулков, 1901** – *Чулков Н.* К истории разграничения России с Норвегией. М., 1901.
- Шрадер, 2006** – *Шрадер Т.А.* Колонисты на Мурманском побережье // *Вестник Баренц-центра МПГУ.* 2006. № 5. С. 115-123.
- Aftenposten, 1914** – *Aftenposten.* 1914. № 285, 9/06.
- Aftenposten, 1914a** – *Fra Russegrænsen* // *Aftenposten,* 1914a. №302, 18/6.
- Andresen, 1989** – *Andresen A.* Siidaen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989.
- Eriksen, Niemi, 1983** – *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo, 1983.
- Goldin et al., 2015** – *Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A.* Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody.* 2015. №37 (3). pp. 519-535.
- Goldin et al., 2015a** – *Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A.* The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. // *Bylye Gody.* 2015. № 38 (4). pp. 849-864.
- HI** – Archive of the Hover Institute.
- Niemi, 2005** – *Niemi E.* Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // *Grenser og grannelag i Nordens historie/* Ed. by.: S. Imsen. Oslo, 2005. pp. 387-415.
- Niemi, 2008** – *Niemi E.* Kirka som grensefestning: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940 // *Forpost mot øst: fra Vardø og Finnmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007/* Ed. By.: Balsvik R.R., Nielsen J.P. Stamsund, 2008. pp. 153-166.
- Niemi, 2009** – *Niemi E.* Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet // *Det Hjemlige og det globale. Festskrift til Randi Rønning Balsvik.* Oslo, 2009. pp. 431-455.
- RA** – the Norwegian National Archive.
- ST** – the State Archive of Tromsø.
- Stockholms Dagblad, 1914** – *Den norsk-ryska gräsregleringen 1826* // *Stockholms Dagblad.* 1914. №17/1.
- Tidens Tegn, 1914** – *For enskal guld. Nye russiske skriverier om den gamle norsk-russiske grænseregulering* // *Tidens Tegn.* 1914. № 8, 9/2.
- Vardå-posten, 1914** – *Vardø-posten.* 1914. № 20/1.
- Verdens Gang, 1914** – *Væk med de fremmede navne fra Finnmarkskartet! Farlige generalstabskarter* // *Verdens Gang.* 1914. № 46, 16/2.
- Zaikov, 2010** – *Zaikov K.* The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historie seminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø, 2010. pp. 34-38.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016** – *Zaikov K., Tamitskiy A.* Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. // *Bylye Gody.* № 41 (3). pp. 629-641.
- Zaikov, 2016a** – *Zaikov K.* The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. // *Bylye Gody.* 2016. № 42 (4). pp. 1164-1172.

References

- AVPRI** – Архив vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- A.P., 1877** – *A.P.* (1877). Russko-norvezzhskoe pograniche [The Russian-Norwegian borderland]. *Arhangelskie Gubernskie Vedomosti.* № 96. pp. 6-7. [in Russian]
- Belomorskiy, 1862** – *Belomorskiy O.* (1862). Istoricheskij vzgljad na Varangerskoe Pomor'e [Historical view of the Varanger Pomorie]. *Morskoj sbornik.* T. LXII. № 10. pp. 279-294. [in Russian]
- Besedy o Severe Rossii..., 1867** – *Besedy o Severe Rossii v 3 otdelenii imperatorskogo volnogo jekonomicheskogo obshhestva* [Conversations about the North of Russia in 3 departments of the Imperial Free Economic Society]. SPb., 1867. [in Russian]
- Borodkin, 1915** – *Borodkin M.* (1915). Istorija Finljandii. Vremja Imperatora Nikolaja I [History of Finland. Time of the Emperor Nicholas I]. SPb. [in Russian]
- Buharov, 1883** – *Buharov D.N.* (1883). Russkie v Finmarkene [The Russians in Finnmark]. SPb. [in Russian]
- Buharov, 1885** – *Buharov D.N.* (1885). Poezdka po Laplandii osen'ju 1883 g. [A trip through Lapland in the fall of 1883]. SPb. [in Russian]

- G.L., 1916** – G.L. (1916). Murmanskij veter v otkrytom okeane [Murmansk wind in the open ocean]. *Voennyj Sbornik*. Aprel. № 4. pp. 30-56. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region]. [in Russian].
- Gebel, 1904** – *Gebel G.F.* (1904). Nasha severo-zapadnaja okraina – Laplandija [Our north-western outskirts – Lapland]. *Russkoe sudohodstvo*. Oktjabr. № 10 (270). pp. 66-73. [in Russian]
- Gebel', 1905** – *Gebel G.F.* (1905). Nasha severo-zapadnaja okraina – Laplandija [Our north-western outskirts – Lapland]. *Russkoe sudohodstvo*. Aprel. № 4 (276). pp. 73-92. [in Russian]
- Golubcov, 1910** – *Golubcov H.* (1910). K istorii razgranichenija Rossii s Norvegij [On the history of the delimitation of Russia from Norway]. Arhangel'sk. [in Russian]
- Davydov, 2007** – *Davydov R.A.* (2007). Promysly rossijskikh loparej v kontekste rossijsko-norvezhskih otnoshenij (XIX – nachalo XX v.) [The Crafts of Russian lapps in the context of Russian-Norwegian relations (XIX – early XX century.)]. *Barenc-zhurnal*. № 1 (5). pp. 42-53. [in Russian]
- Ermolaev, 2006** – *Ermolaev D.A.* (2006). Prigranichnye otnoshenija v rajone Zapadnogo Murmana vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov. Problemy granicy i kolonizacii [Border relations in the area of the West Murman in the second half of the XIX – early XX centuries. Problems of Boundary and Colonization]. *Vestnik «Barenc-Centra» MPGU*. № 5. pp. 45-59. [in Russian]
- Zhuravlev, 1847** – *Zhuravlev A.* (1847). O rossijskoj Laplandii nazyvaemoj murmanskim beregom i o proizvodimom pri onom rybnom promysle [About the Russian Lapland called the Murmansk shore and the fish produced at the time of this fishery]. Arhangel'skie gubernskie vedomosti. pp. 6-8. [in Russian]
- Zaikov, 2012** – *Zaikov K.S.* (2012). Pogranichnaja konvencija 1826 g. v otechestvennoj istoriografii XIX–XXI vv. [The boundary convention of 1826 in the domestic historiography of the XIX–XXI centuries]. *Rossija i Norvegija. Voprosy otechestvennogo istochnikovedenija i istoriografii (XIX–XXI vv.)*. Pod red. A.A. Komarova. M., pp. 112-131. [in Russian]
- Zebek, 1867** – *Zebek I.* (1867). O rybnom promysle i trgovle na murmanskom beregu [About fishing and trade on the Murmansk coast]. *Morskij sbornik*. № 11. pp. 81-90. [in Russian]
- Izvlечение изraporta..., 1870** – Izvlечение изraporta general–adjutanta Pos'eta [Extract from the report of Adjutant General Poset]. *Morskij sbornik*. Morskaja hronika. 1870. № 10. [in Russian]
- Kaaran, 1910** – *Kaaran A.* (1910). K istorii russkogo Severa: Russko-norvezhskie otnoshenija [To the history of the Russian North: Russian-Norwegian relations]. *Izvestija Arhangel'skogo Obshhestva izuchenija Russkogo Severa*. № 11. pp. 21-33.
- Karelin, Zajkov, 2016** – *Karelin V.A., Zajkov K.S.* (2016). Problemy saamskikh servitutnyh prav v pogranichnyh otnoshenijah Rossii i Norvegii v nachale XX veka [Problems of Saami servitudes in border relations between Russia and Norway at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: gumanitarnye i socialnye nauki*. № 1. pp. 32-41. [in Russian]
- Kozljaninov, 1913** – *Kozljaninov K.* (1913). O prodazhe russkikh vod Norvegii [On the sale of Russian waters of Norway]. *Novoe Vremja*. 24.05/06.06. 1913. [in Russian]
- Kozmin, 1913** – *Kozmin K.* (1913). K voprosu o russko-norvezhskoj granice [On the question of the Russian-Norwegian border]. *Izvestija Arhangel'skogo Obshhestva izuchenija Russkogo Severa*. Arhangel'sk. № 17. pp. 769-776. [in Russian]
- Kozmin, 1914** – *Kozmin K.* (1914). Pismo v redakciju [Letter to the editors] // *Novoe Vremja*. 30.05/12.06. 1914. [in Russian]
- Kratkoe opisanie sluzhebnyh..., 1908** – Kratkoe opisanie sluzhebnyh poezdok I.D. Arhangel'skogo Gubernatora I.V. Sosnovskogo v 1908 godu [Brief description of official trips I.D. Arkhangelsk Governor I.V. Sosnovsky in 1908]. Arhangel'sk, 1908. [in Russian]
- Materialy dlja razrabotki voprosov..., 1881** – Materialy dlja razrabotki voprosov, kasajushhhsja Severa Rossii [Materials for the development of issues relating to the North of Russia]. SPb., 1881. Vyp. 1: Murman i belomorskie porty. [in Russian]
- Menshikov, 1911** – *Menshikov* (1911). Propavshaja Granica [The Missing Border]. *Novoe Vremja*. 17/30.03.1911. [in Russian]
- Nikolskij, 1914** – *Nikolskij V.N.* (1914). Na russko-norvezhskoj granice [On the Russian-Norwegian border]. Arhangel'sk. [in Russian]
- Nil'sen, 2001** – *Nilsen J.P.* (2001). Murman i Finmark: odnogo li polja jagody? (Cravnitel'nyj metod v izuchenii politiki carskoj administracii po osvoeniju Murmanskogo poberezh'ja) [Murman and Finnmark; Is there one field of berries? (Comparative method in studying the policy of the tsarist administration for the development of the Murmansk coast)]. *Menjajushhajasja Rossija v izmenjajushhemsja mire: Sb. statej*. Arhangel'sk. pp. 33-45. [in Russian]
- O doklade A.S. Raevskogo, 1914** – O doklade A.S. Raevskogo. Zametka [On the report of A.S. Rayevsky. The note]. *Rech*. 10/23.01.1914. [in Russian]
- Ocherk Puteshestvija..., 1895** – Ocherk Puteshestvija Arhangel'skogo Gubernatora A.P. Jengel'gardta v Kemskej i Kol'skij uezdy v 1895 godu [Essay on the Travel of the Governor of Arkhangelsk. Engelhardt in Kemsy and Kola counties in 1895]. Arhangel'sk, 1895. [in Russian]

- [Popov, Davydov, 1999](#) – *Popov G.P., Davydov R.A.* (1999). Murman. Oчерk istorii kraja XIX – nachala XX v. [Murman. An outline of the history of the region XIX – early XX century.] Ekaterinburg. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian].
- [Sankt-Peterburgskie Vedomosti, 1883](#) – Sankt-Peterburgskie Vedomosti [St. Petersburg Vedomosti]. 15.12.1883. [in Russian]
- [Sidensner, 1897](#) – *Sidensner A.* Svedenija o Murmanskom berege, sobrannye letom 1896 goda kontr-admiralom Sidensnerom [Information about the Murmansk coast, collected in the summer of 1896 by Rear Admiral Sidensner]. SPb. [in Russian]
- [Sidorov, 1870](#) – *Sidorov M.K.* (1870). Sever Rossii [North of Russia]. SPb. [in Russian]
- [Sidorov, 1879](#) – *Sidorov M.K.* (1879). O kitolovstve i vlijanii ego na rybnuju lovlju u beregov Arhangel'skoj gubernii [On whaling and its influence on fishing off the coast of Arkhangelsk province]. SPb. [in Russian]
- [Fedorov, 2009](#) – *Fedorov P.V.* (2009). Severnyj vektor v rossijskoj istorii. Centr i Kol'skoe zapoljar'e v XVI–XX vv. [Northern vector in Russian history. Center and the Kola Arctic in the XVI–XX centuries]. Murmansk. [in Russian]
- [Chulkov, 1901](#) – *Chulkov N.* (1901). K istorii razgranichenija Rossii s Norvegiej [To the history of the delimitation of Russia from Norway]. Moscow. [in Russian]
- [Shrader, 2006](#) – *Shrader T.A.* (2006). Kolonisty na Murmanskom poberezh'e [Colonists on the Murmansk coast]. Vestnik Barents-centra MPGU. 2006. № 5. S. 115-123. [in Russian]
- [Aftenposten, 1914](#) – Aftenposten. 1914. № 285, 9/06.
- [Aftenposten, 1914a](#) – Fra Russegrænsen [From the Russian border]// Aftenposten, 1914a. №302, 18/6. [In Norwegian]
- [Andresen, 1989](#) – *Andresen A.* (1989). Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekingen i 1826 [Siida disappeared. East Sami in the Pasvik by the Norwegian-Russian border treaty in 1826]. Kirkenes. [In Norwegian]
- [Eriksen, Niemi, 1983](#) – *Eriksen K.E., Niemi E.* (1983). Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitik i nord 1860–1940 [The Finnish Menace: Security Issues and Minority Policy in the North 1860–1940]. Oslo. [In Norwegian]
- [Goldin et al., 2015](#) – *Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A.* (2015). Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. №37 (3). pp. 519-535.
- [Goldin et al., 2015a](#) – *Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A.* (2015). The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye Gody*. № 38 (4). pp. 849-864.
- [HI](#) – Archive of the Høver Institute.
- [Niemi, 2005](#) – *Niemi E.* (2005). Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid [Ethnicity, nationality and borders in northern Scandinavia until today]. Grenser og grannelag i Nordens historie/ Ed. by.: S. Imsen. Oslo. pp. 387-415. [In Norwegian]
- [Niemi, 2008](#) – *Niemi E.* (2008). Kirka som grensefestning: kirkebygning, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940 [Church as Border fortress: Church Building, Religious Voltage and Border Protection in Finnmark 1850–1940]. Forpost mot øst: fra Vardø og Finnmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseinar, Vardø 21–23 september 2007 / Ed. By.: Balsvik R.R., Nielsen J.P. Stamsund, 2008. pp. 153-166. [In Norwegian]
- [Niemi, 2009](#) – *Niemi E.* (2009). Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet [Borderland and periphery. Venue for State, Nation and Ethnicity]. Det Hjemlige og det globale. Festskrift til Randi Rønning Balsvik. Oslo. pp. 431-455. [In Norwegian]
- [ST](#) – the State Archive of the Tromsø.
- [RA](#) – the Norwegian National Archive
- [Stockholms Dagblad, 1914](#) – Den norsk-ryska gräsregleringen 1826 [The Norwegian-Russian border control 1826]. Stockholms Dagblad. 1914. №17/1. [In Swedish]
- [Tidens Tegn, 1914](#) – For enskal guld. Nye russiske skraverier om den gamle norsk-russiske grænseregulering [For single gold. New Russian writings about the old Norwegian-Russian border regulation]. Tidens Tegn. 1914. № 8, 9/2. [In Danish]
- [Vardå-posten, 1914](#) – Vardø-posten. 1914. № 20/1
- [Verdens Gang, 1914](#) – Væk med de fremmede navne fra Finnmarkskartet! Farlige generalstabskarter [About the Strange Names from the Finnmark map]. *Verdens Gang*. 1914. № 46, 16/2. [In Norwegian]
- [Zaikov, 2010](#) – *Zaikov K.* (2010). The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historie seminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø. pp. 34-38.
- [Zaikov, Tamitskiy, 2016](#) – *Zaikov K., Tamitskiy A.* (2016) Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye Gody*. № 41 (3). pp. 629-641.

Zaikov, 2016a – Zaikov K. (2016). The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. № 42 (4). pp. 1164-1172.

УДК 94(470+481)(045)

Лопарские промыслы в истории российско-норвежского пограничья 1855–1900 гг.

Константин Сергеевич Зайков ^{a,*}, Александр Михайлович Тамицкий ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам истории Северного Фронтра – российско-норвежского пограничья, а именно месту лопарских промыслов в истории российско-норвежских отношений 1855–1900 гг., а также влиянию символического пространства российско-норвежского пограничья («гибких границ») на их становление и развитие. Авторы статьи демонстрируют, что незначительные по своему масштабу рыбный промысел и пастьба скота нескольких десятков русских саами в Норвегии стали элементом образа «русской угрозы». Данное обстоятельство в комплексе с проблемой финских мигрантов подтолкнуло региональные власти к реализации мер по консолидации пограничья с Финнмарком, или так называемой политике норвегизации с 1850-х гг., и последующем продвижении через дипломатические каналы идеи ликвидации лопарских сервитутов.

Ответной реакцией российской общественности и чиновничества регионального и национального уровней на норвежскую политику стала символическая и политическая объективация «гибких границ» первой половины XIX в. в национальном масштабе, а именно признание истинной пограничной чертой старой линии границы от Верес-Наволока, осуждение разграничения 1825–1826 гг. и требование возвращения к вопросу 1828 г. о пересмотре границы с целью защиты промысловых прав русских лопарей в Швеции-Норвегии.

Таким образом, пограничная политика Швеции-Норвегии, направленная на вытеснение пазрецких саами с промысловых мест, и активная колонизация Западного Мурмана норвежцами способствовали формированию образа «норвежской угрозы» Западному Мурману и постепенной секьюритизации лопарских промыслов в России в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Финнмарк, Западный Мурман, российско-норвежское пограничье, саами, лопарские промыслы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), a.tamitskiy@gmail.com (А.М. Тамицкий)